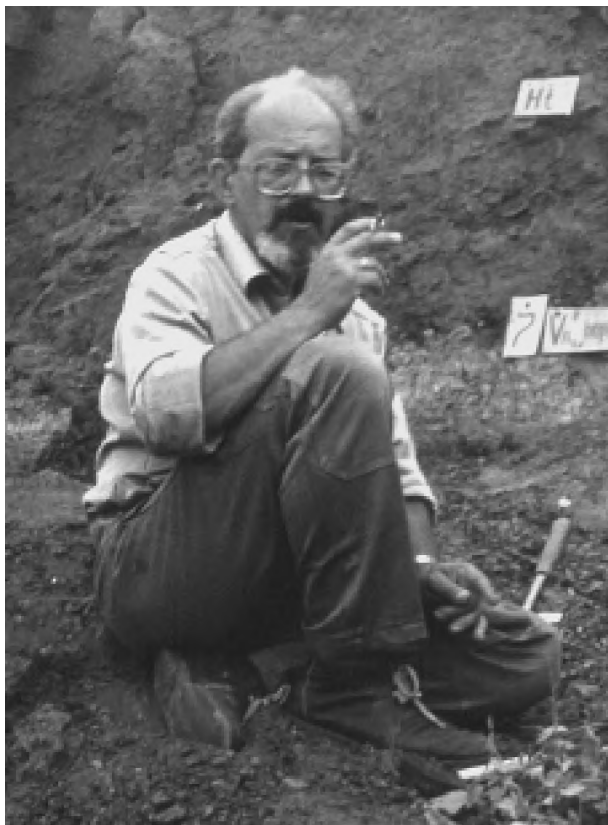


УДК (092):55

## СВЕЧА ГОРЕЛА...

### (памяти Михаила Семеновича Месежникова)



18 августа 2006 г. исполнилось бы 75 лет Михаилу Семеновичу Месежникову – одному из наиболее ярких ученых и талантливых организаторов в области стратиграфии, палеобиогеографии и палеогеографии мезозоя. Будучи многогранным по интересам и широко образованным профессионалом – геологом и палеозоологом – М.С. Месежников одинаково свободно владел биологическими методами для решения геологических задач и располагал обширной геологической информацией для объяснения причинно-следственных связей биологической эволюции. Проблемы взаимоотношения среды и биоты и пространственно-временные аспекты развития и расселения морских беспозвоночных и, прежде всего, аммонитов в юрском периоде постоянно находились в центре его внимания. Однако вопросы палеобиогеографии никогда не были в творчестве Михаила Семеновича самодостаточными. Он всегда тесно увязывал их с одной из важнейших стратиграфи-

ческих задач – прослеживанием биостратонов: зон и слоев с остатками фауны на площади, и не раз подчеркивал, что изменение границ палеобиогеографических областей и провинций имеет значение прежде всего для стратиграфии.

М.С. Месежников родился 18 августа 1931 г. в Ленинграде. Отец его был лесным инженером, мать – врач-стоматолог. Михаил Семенович был единственным ребенком в семье, где царил атмосфера любви, заботы и дружбы<sup>1</sup>.

Будучи в средней школе, Михаил Семенович мечтал стать филологом, но в силу господствовавших тогда ложных представлений властей по национальному вопросу, вынужден был изменить свои планы. В 1950 г. он благополучно сдает экзамены в Ленинградский Горный институт, который заканчивает в 1955 г. по специальности “геология и разведка нефтяных и газовых месторождений”. С этого момента начинается его блистательный, хотя и не легкий путь в геологии. В 1963 г. Михаил Семенович защищает кандидатскую диссертацию, посвященную аммонитам и биостратиграфии юрских отложений Приполярного Урала. Докторская диссертация, блестяще защищенная в 1975 г., была основана на материалах по кимериджскому и волжскому ярусам всего севера СССР. Незаурядные способности, великолепная память, глубокие профессиональные знания позволили ему довольно быстро приобрести научный авторитет. В крупном отделе стратиграфии и палеонтологии ВНИГРИ Михаил Семенович стал неформальным лидером задолго до назначения его руководителем этого отдела в 1972 г. Чтобы оценить важность такого события, достаточно сказать, что до М.С. Месежникова пост заведующего занимали Б.С. Соколов и Д.Л. Степанов, под руководством которых выросло не одно поколение специалистов в СССР. После формального закрепления своего лидерства ни в поведении, ни в рабочем режиме М.С. Месежникова ничего не изменилось: он оставался трудоголиком и, как и прежде, столь же доступным для окружающих. Число посетителей, стремившихся обсудить с ним научную или житейскую проблему, увеличивалось с каждым годом. В его маленькой

<sup>1</sup> См. К.И. Кузнецова, Г.Э. Козлова. Михаил Семенович Месежников (1931–1989). Проблемы стратиграфии и палеонтологии мезозоя. СПб: ВНИГРИ, 1999. С. 4–5.

(к несчастью, сильно прокуренной) комнате нельзя было поместиться более 3–4-х человек, поэтому в тесном и темном коридоре перед дверью нередко скапливалась очередь, состоявшая отнюдь не только из работников ВНИГРИ или других геологических учреждений Ленинграда, но и приехавших со всей страны.

Уменьше видеть перспективу научного направления, выбрать стратегию исследований, сплотить специалистов для решения проблемы – все эти качества определили не только его личную научную судьбу, но и успех научного направления, которое он возглавлял. Геология в стране была на подъеме. Многочисленные полевые отряды отдела работали практически на всей территории СССР: от Якутии и до Белого моря, от Полярного Урала до Каспийского моря. В отдел поступали обширные документальные и каменные материалы, и, прежде всего, коллекции окаменелостей. Михаил Семенович вникал в дела и результаты работ всех полевых отрядов и специалистов – макро- и микропалеонтологов, литологов и геохимиков. Вспоминая эту почти ежедневную занятость, не перестаешь удивляться, как М.С. Месежников умудрялся столь продуктивно работать в науке.

По натуре М.С. Месежников, безусловно, был романтик. Его обширная домашняя библиотека включала книги по искусству, истории, архитектуре, художественной классической литературе. Он легко ориентировался во всех этих областях. Классическая музыка постоянно звучала в его доме. Его привлекали дальние и трудные странствия, поэтому он стремился в геологические экспедиции, которые давали возможность не только собрать уникальные коллекции юрских аммонитов, изучить и послойно описать важнейшие разрезы юры, но и погрузиться в иной мир. Ныне здравствующие его друзья и коллеги запомнили Михаила Семеновича как человека, которому не были чужды любые человеческие страсти. Будучи от природы наделенным многими талантами, он, тем не менее, всегда оставался одним из нас: в полевых маршрутах не позволял никаких скидок, тянул бичевой груженные снаряжением и образцами лодки, весь долгий полярный день стучал молотком на обнажениях в поисках окаменелостей, по-детски радовался находке редкого аммонита, а затем, от обнажения до лагеря нередко тащил самые тяжелые рюкзаки, любил веселые застоля в поле и принимал многочисленных гостей у себя на квартире, пел “в хоре” у костра и дома тихие грустные, но порой и веселые песни, огорчался и даже замыкался, сталкиваясь с непреодолимыми административными препонами. Следует отметить, что Михаил Семенович на заседаниях и в беседах яростно защищал свои убежде-

ния, но, прежде всего, вставал на защиту друзей и ущемленных в правах сотрудников, оставаясь при этом интеллигентным, мягким и деликатным. Он нежно любил своего сына Сашку и, невзирая на постоянную занятость, уделял ему много внимания.

Возможно, полевые условия позволяли Михаилу Семеновичу сбросить на время господствовавший в научно-исследовательских институтах министерства геологии СССР напряженный проектно-отчетный режим, в котором он каждодневно находился. В экспедициях он был среди друзей и единомышленников. Здесь обсуждались только что полученные результаты и строились планы на будущее. Многие идеи приходили именно во время обсуждений на обнажениях и в маршрутах. В составе полевых отрядов ВНИГРИ, НИИГА и ИГиГ СО АН СССР М.С. Месежников исколесил весь север Евразии. Однако, несмотря на свою на романтическую привлекательность, экспедиции не были для него самоцелью. Полевые исследования в конце 50-х годов начались с Приполярного Урала, затем в начале 60-х переместились на север Сибири, позже – в Тимано-Печорскую область, в 70-х годах – в центральные районы европейской части России и, наконец, на Северный Кавказ. В чем таился смысл такого маршрута? Идея заключалась в разработке зональных региональных – панбореальных корреляции и, наконец, на бореально-тетические корреляционные схемы.

Исследования по морфологии, систематике, филогении верхнеюрских аммонитов и зональной биостратиграфии бореальных отложений этого возраста занимали в трудах М.С. Месежникова, конечно, наиболее значительное место. Разработанная им зональная аммонитовая шкала кимериджа и волжского яруса севера СССР является наиболее существенным вкладом в детальную стратиграфию бореальных отложений. Однако его научные интересы далеко выходили за рамки палеонтологии и стратиграфии. Михаил Семенович уделял большое внимание геологической истории осадочных бассейнов юры и мела на севере Евразии, общим закономерностям осадконакопления и условиям формирования геологических тел разной природы. Начало этим работам было положено в конце 50-х годов, когда по предложению оргкомитета “Атласа литолого-палеогеографических карт Русской платформы...” М.С. Месежников совместно с В.И. Бодылевским составили по векам юрского периода палеогеографические карты Тимано-Уральской области, включенные в выше упомянутое издание. Эта работа получила продолжение в крупном синтезе “Палеогеография севера СССР в юрском и мелом”

вом периодах” (1971), выполненном коллективом геологов ВНИГРИ под руководством М.С. Месежникова и С.А. Чирвы. В данном исследовании были реализованы некоторые новые динамические идеи, связанные с показом на картах-схемах изменений соотношения море–суша в течение века, что позволяло по единому рисунку судить об изменении палеогеографической ситуации во времени.

Проблема пространственного распространения и причины неравномерного распределения позднеюрских аммонитов в Северном полушарии занимала Михаила Семеновича наряду с представлением о провинциальности аммонитовых зон. Именно в этой связке в статье “Зональная стратиграфия и зоогеографическое районирование” им впервые были изложены начальные представления о границах палеобиохорий и пределах распространения каждой зоны, что подчеркивал, что распространение каждой зоны связано с особенностями расселения фауны в течение зонального момента, т.е. с биогеографическим районированием этого момента и что провинции имеют определенные границы лишь в течение одного зонального момента, и, таким образом, зоны имеют отчетливую связь именно с провинциями. Эта идея нашла отражение в региональных зональных шкалах на севере нашей страны и в бореальной области в целом. Представления о динамике палеозоохорий получили в 1974 г. дальнейшее развитие в одной из наиболее ярких статей по общим вопросам палеобиогеографии – “О характере изменения границ палеозоогеографических областей и провинций”. Приняв за основу вскрытые им закономерности в расселении позднеюрских аммонитов бореальной области Михаил Семенович дал блестящий анализ принципов выделения палеозоохорий и показал, что разница между нео – и палеозоохориями состоит прежде всего в том, что последние прямо не связаны с ландшафтами. Это положение было совершенно непривычно для палеонтологов, которые обычно напрямую связывают границы палеозоохорий со стабильностью факторов среды в ее пределах.

Проблема взаимоотношения бореальных и тетических фаун в юрском периоде рано привлекла внимание М.С. Месежникова. Относительная таксономическая обедненность бореальной юрской и меловой фаун, по сравнению с тетической, и ее значительный эндемизм на видовом и родовом уровнях объяснялись разницей в температуре морских вод на севере и юге Евразии. Отсутствие резких границ между палеобиогеографическими провинциями было связано с действием именно этого фактора, поскольку такая же картина наблюдается и в современных краевых морях Атлантики и Пацифики. Автор полагал, что уже с

начала юрского периода в пределах бореальной палеобиогеографической области следует обособить арктическую провинцию, в которую помимо территории полярной Евразии и арктических островов, входят Северная Аляска и полярные районы Канады. Этот вывод полностью подтвердился исследованиями последних 35 лет по всем без исключения группам фауны морских беспозвоночных. Столь же плодотворным оказался и другой вывод о постоянно существовавших связях арктических морей с мировым океаном на протяжении всего юрского и мелового периодов. Районы, где такие связи отмечаются регулярно, располагались на границах арктического бассейна с бореально-палеоатлантическим и бореально-палеотихоокеанским бассейнами и таким путем осуществлялось и проникновение в арктический бассейн фауны более низких широт и, напротив, происходила эмиграция арктических аммонитов и белемнитов в южные моря. Периодические иммиграции в высокие широты тетических (тропических) моллюсков были отмечены М.С. Месежниковым для поздней юры Северной Атлантики и установлено, что широкое появление в арктическом бассейне средиземноморских и тихоокеанских родов проявляется в юрских морях в течение строго определенных, сравнительно коротких отрезков геологического времени, которые совпадают по времени с максимальным сокращением ареала арктических родов и подродов.

М.С. Месежников, как и его старший коллега и учитель В.Н.Сакс, являлся горячим сторонником кооперации при организации работ и комплексности (междисциплинарности) в решении задач палеонтологии, стратиграфии и палеогеографии. Мультидисциплинарность исследований начиналась с полевых работ, в которых принимали участие специалисты из разных научных центров страны и практически по всем группам ископаемых организмов, а также и по веществу – литологии и геохимии. Время показало, что такой подход к организации труда приводил к повышению уровня и эффективности научно-исследовательских работ и полностью себя оправдал. Этому во многом способствовал сам М.С. Месежников, незаурядная личность которого оказывала глубокое влияние на дела и результаты работ всего коллектива.

Весьма продуктивная организационная работа в рамках юрской комиссии МСК в 70–80 гг. прошлого века проводилась Михаилом Семеновичем вместе с Г.Я. Крымгольцем, которого он сменил на посту председателя этой комиссии в начале 80-х годов. Многие предложения комиссии могли бы повлиять и на решения международной стратиграфической комиссии, если бы Михаил Семенович мог сам принять участие в ее работе. “Невы-

ездной” статус Михаила Семеновича был распла- той за его несговорчивость с властями.

Ярко горевшая свеча его активной творческой и человеческой жизни была потушена внезапно налетевшим ветром: тяжелая болезнь быстро унесла М.С. Месежникова в иной мир. Перед неизбежным концом Михаил Семенович еще раз продемонстрировал сильную волю, стойкость и мужество. Он ушел из жизни, когда ему не исполнилось еще и 60-ти. В науках о Земле специалист такого возраста сочетает в себе накопленный

опыт и знания и может рассчитывать на реализацию обширных планов в будущем. Однако судьба распорядилась по своему: этим планам не суждено было осуществиться. Михаил Семенович ушел из жизни на взлете, полный творческих сил, на пике активности. Научный вклад М.С. Месежникова настолько значителен, что результаты его исследований несомненно будут достоянием еще не одного поколения геологов и палеонтологов.

*В.А. Захаров*